

МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА ПЕРСОНАЖНОЙ РЕЧИ В АНГЛИЙСКОЙ ДРАМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Борисенко Н.Д.

Житомирский государственный педагогический университет имени Ивана Франко

В современной лингвистике наблюдается неослабевающий интерес к изучению функциональной стороны языка, поскольку языковая система может быть адекватно познана лишь в ходе ее непосредственной реализации. Обращение к человеческому фактору демонстрирует место и роль языка в жизнедеятельности человека, его развитии как личности. Антропоцентризм, являющийся характерной чертой лингвистической науки на современном этапе, находит свое выражение в усилении внимания исследователей к коммуникативной функции языковых средств в высказывании [Полюжин 1999: 4].

Проблема моделирования вербальной коммуникации может быть решена лишь в русле такого актуального направления современного языкознания, как изучение общего варьирования средств языка [Крысин 1989:13], а также обусловлена социальными [Никольский 1976: 122] и внутриязыковыми причинами [Карцевский 1965: 85-90].

Моделирование стереотипов коммуникативного поведения, обусловленных гендером, представляет собой одну из граней такого подхода к изучению языка. Необходимость лингвистической интерпретации межличностных отношений, в свою очередь, привела к возникновению новых направлений исследований, одним из которых является гендерная лингвистика. В фокусе ее внимания находится зависимость функционирования языка от гендерных различий, которые проявляются в процессе вербальной коммуникации и обусловлены полом коммуникантов. Гендерная дифференциация относится к числу универсальных явлений, изучаемых всеми науками о человеке. Пол коммуниканта является одним из социально-психологических факторов, влияние которого на поведение человека активно исследуется современным языкознанием. Термин *гендер*, заимствованный из социальных наук, в современной лингвистике обозначает комплекс социальных, культурных и психологических явлений, соотносимых с полом индивида [McConnell-Ginet 1988: 76].

На наш взгляд, исследование персонажной речи в новом ракурсе, с точки зрения моделирования стереотипа гендерного коммуникативного поведения, позволяет проследить, как речевая характеристика персонажа отображает стереотипы гендерного коммуникативного поведения самого драматурга – носителя британского варианта английского языка.

Анализ художественной интеракции в драме не как слепка реального общения, а в качестве моделируемой коммуникации с учетом у особого функционального характера находит выражение в работах различных исследователей [Лагутин 1991]. При этом автор реалистической драмы конструирует речь персонажей, исходя из желания передать “правду жизни”,

руководствуясь своими знаниями о том, как происходит реальное общение в той или иной ситуации. Иными словами, драматург руководствуется стереотипами поведения относительно гендера при создании речевой характеристики персонажей.

Драматическое произведение как продукт творческого процесса имеет специфические особенности, которые обуславливают его отличия от других жанров художественных произведений. Прежде всего драма должна превратиться в спектакль для зрителя. В этом заключается ее прагматическая установка [Мизецкая 1992: 5].

Драма распадается на две подсистемы, авторскую и персонажную [Мизецкая, 1992: 6]. При этом специфичность персонажной речи заключается в том, что она не является высказываниями, производимыми персонажами в определенных ситуациях общения в соответствии с их интенциями. В данном случае продуцентом высказывания является драматург, моделирующий речь персонажей в соответствии со своим опытом реального общения [Лагутин 1991: 35]. Автор драматического произведения использует свои знания и представления о том, как говорят реальные люди в определенных ситуациях общения для создания конкретных речевых партий [Мизецкая 1992: 22].

В то же время, высказывания персонажей не являются слепком с реального общения, поскольку моделирование персонажной речи происходит в соответствии с законами языка художественной литературы в общем, и языка драматического произведения в частности.

Реплики персонажей передают не только особенности их речи, характеры и цели общения, но и движение сюжета, авторскую позицию в решении обсуждаемых проблем. Персонажная речь является практически единственной формой изображения персонажа. Именно она раскрывает социальные, психологические, этические качества личности, дает достаточно целостную характеристику человека [Лагутин 1991: 80]. Создание речевой характеристики персонажа обусловлено не только принадлежностью произведения к определенному направлению, жанру, но и учетом пола, возраста, национальности, культурно-образовательного уровня персонажей [Мизецкая 1992: 22].

Хотя разговорная речь и высказывания персонажей в драме принадлежат системам, принципиально различающимся по способу создания речи, ее адресации, структуре и целям [Лагутин 1991: 24], язык английской драмы второй половины XX столетия приближается к реальному общению. В современной драматургии авторы пытаются максимально приблизить язык своих произведений к разговорному языку. Этому способствует общая тенденция демократизации литературной нормы, проникновение в прессу, художественную литературу, кино и театрособенностей, традиционно ассоциируемых с разговорной речью.

На лексическом уровне язык драмы приближается к естественной коммуникации с помощью употребления сниженной, табуированной лексики и вульгаризмов:

RON. Just bloody well piss off (Daniels, 1986: 59).

На синтаксическом уровне необходимо выделить:

– эллиптические конструкции и вопросы с прямым порядком слов:

HUGH. *Over there by the wall. Leaves room for the other stuff* (Wood, 1977a: 2);

MAUD. *They haven't got everything in California? Poor old Bristol's still got a few tricks up her sleeve, er?* (Nichols, 1980: 12);

– неправильные грамматические формы, характерные для разговорной речи:

JULIE. *I dunno I'm sure, but I'm glad it happened when I was in the vicinity* (Manktelow, 1977: 14).

На фонетическом уровне язык пьес приближается к естественному общению путем передачи произносительных особенностей разговорной речи:

MRS. MOORE. *Not back yet, then? I thought I 'eard them* (Manktelow, 1977: 35);

GEORGE. *I'm not comin' in* (Manktelow, 1979: 1);

ROGER. *What? Oh – thingy – wassisname Alex* (Harris, 1980: 2).

В основе художественной интеракции драмы лежит модель реального общения и единый опыт человеческого общения, поэтому интеракция драмы структурируется так же, как и реальная [Лагутин 1991: 56]. Автор моделирует высказывания персонажей, используя только те средства, которые употребляются в реальном общении, что сближает, на наш взгляд, моделируемую коммуникацию драмы и реальное общение. Процесс создания речевой характеристики персонажа не произволен. Поскольку основная цель драматурга – донести до читателя и зрителя свои идеи, то художественная интеракция в пьесе строится с опорой на стратегии, тактики коммуникативного поведения, речевые акты, интенции, синтаксические структуры и лексические средства, возможные в реальном общении представителей данного сообщества. Только в этом случае адресат драматического произведения может декодировать информацию, представленную автором – действительным продуцентом, вкладываемых в уста персонажей реплик.

Язык драматического произведения сочетает черты стиля беллетристики со стремлением максимально полно передать живую разговорную речь. В драматических произведениях XX века в полной мере отражаются факторы национальной, возрастной и профессиональной принадлежности, реализуются гендерный и социально-культурный факторы, учитываются индивидуальные и психофизические особенности личности [Мизецкая 1992а: 52]. Кроме того, драматург стремится создать стереотипные персонажи, то есть эмоционально окрашенные обобщенные собирательные образы определенной группы действующих лиц, которые имеют сходные внешние и этические признаки. В нашем случае – это стереотипные персонажи-мужчины и персонажи-женщины.

В драматическом произведении моделируемые автором высказывания персонажей мужского и женского полов отражают его взгляд на гендерную проблему, знания особенностей женского и мужского поведения в процессе вербального общения. Автор воссоздает гендерные характеристики поведения персонажей-мужчин и персонажей-женщин, опираясь на свой опыт, поскольку высказывание персонажа должно дать возможность читателю/зрителю

индентифицировать принадлежность персонажа к определенному полу. На наш взгляд, воссоздать гендер персонажа автору драматического произведения позволяет конструируемый характер гендера [Кирилина 2000: 11] и перформативный подход (performing gender), в соответствии с которым коммуникант выбирает лингвистические средства для создания определенного образа говорящего. В социолингвистической традиции считается, что коммуникативное поведение индивида является следствием его социального статуса. Сторонники постмодернистского перформативного подхода исходят из того, что наше коммуникативное поведение наряду с другими аспектами поведения, конструирует социальный статус индивида. По образному выражению Дж. Коутс, мы как актеры постоянно воссоздаем свой гендер в ежедневном общении, проигрывая роль женщины или роль мужчины, и даже когда мы пытаемся отойти от общепризнанных образцов наши собеседники воспринимают наши высказывания как женские, либо как мужские [Coats 1997: 127]. Личность в современном обществе социализируется через решение проблем самоидентификации, демонстрируя свою принадлежность к определенному полу. При этом в различных ситуациях общения возможно использование различных средств для достижения одной и той же цели, что свидетельствует о возможности передачи одного и того же умственного знания различными средствами [Карцевский, 1965]. Сторонники перформативного подхода воспринимают мужчин и женщин не как запрограммированных ранней социализацией пассивных исполнителей установленных гендерно-адекватных образцов поведения, а сознательных и активных творцов, обладающих определенными знаниями о том, как некоторое высказывание, несущее гендерное значение может быть использовано для произведения необходимого эффекта и достижения необходимой цели. Попытка анализа гендера как стабильной биологической категории, принятие за основу фундаментальных и статистических различий между полами приводит к появлению фиксированных гендерных стилей речи, стереотипизации коммуникативного поведения, обусловленного гендером. Только понимание того, что человек конструирует свой гендер в процессе вербальной коммуникации позволяет выявить, что считается подходящим и не подходящим для коммуникативного поведения противоположных полов, какие нормы ограничивают гендерно обусловленное коммуникативное поведение и как в обществе появляются его стереотипы [Stokoe 1998: 218]. Различные дискурсные стратегии возникают в определенных социальных контекстах и направлены на решение различных интеракционных задач [Cameron 1995: 40]. Таким образом, сторонники перформативного подхода не рассматривают гендер в качестве единственного фактора, определяющего поведение коммуникантов. Иными словами, признается его взаимодействие с другими социальными характеристиками и ситуацией общения.

Д. Камерон [1992: 52] предлагает отказаться от восприятия мужчин и женщин в качестве двух гомогенных групп, поведение каждой из которых характеризуется определенным набором черт, не встречающихся у

противоположной. Если коммуникативное поведение мужчин воспринимается в качестве результата их жизни в определенном обществе, то ориентированное на дом коммуникативное поведение женщины рассматривается как продукт ее биологических особенностей и роли хранительницы очага и матери. Таким образом, в коммуникативном поведении женщины пытаются отыскать черты, объединяющие ее со всеми женщинами независимо от социальной принадлежности, уровня образования, возраста и т.д. Иными словами, при анализе коммуникативного поведения женщин существует тенденция к генерализации и стереотипизации характерных черт их коммуникативного поведения. В результате вырабатывается набор стереотипов, приписываемых всем женщинам в данном языковом сообществе. Более того, их коммуникативное поведение рассматривается сквозь призму данных стереотипов, т.е. последние играют регулирующую роль в обществе.

Под стереотипами понимаются жестко фиксированные стандартные представления, суждения о каком-либо классе социальных объектов, шаблонов социального поведения, идеологических догм [Силинский 1995: 30].

Стереотипы определяются как обычный канон мысли, восприятия и поведения, образ, который передает представления некоторой группы людей – носителей культуры [Белова 2001: 51]. Стереотипы представляют собой простейшие элементы общественной психики [Левицкий 1998: 243] и являются частью оценочных мнений, которые характеризуют мужчину или женщину в определенном социуме. Гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, проявляющимся в стереотипах. Гендерный стереотип понимается как частичный случай стереотипа, относящийся к знаниям о лицах разного пола, приписывании им определенных признаков, что отражается в особенностях синтаксических связей рассматриваемых единиц, положительных или отрицательных, этических или эстетических [Кирилина 2000: 18]. Асимметричные отношения в оппозиции мужчина – женщина проявляются в гендерных стереотипах поведения. Данные стереотипы, по мнению Д.Ч. Малишевской, не совсем адекватно отражают различия в гендерном поведении и представляют собой обобщенные нормы и культурные предписания для выбора подходящей модели поведения для мужчины и женщины [Малишевская 1999: 182-183]. Гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а “конституируются” обществом, его традициями и институтами социального контроля [Кирилина 2000: 12]. Гендерные стереотипы отражают совокупность биологических признаков, социальных ролей, особенностей психики и поведения, присущие представителям данного пола в рамках данной культуры [Городникова 2000: 82].

Мы полагаем, что в процессе моделирования персонажной речи автор использует свой языковой опыт, коммуникативную компетенцию и языковую картину мира. В то же время автор моделирует весь комплекс социально-психологических и когнитивно-прагматических факторов, определяющих выбор высказывания. Таким образом, высказывания персонажей отражают

существующие в обществе представления о гендерных различиях в поведении современных англичан в процессе вербального общения. Иными словами, персонажная речь отражает знания автора о стереотипах коммуникативного поведения, распространённых в обществе.

Литература.

Белова А.Д. Вербальне відображення концептосфери етносу: сучасний стан вивчення проблеми // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. праць. – К.: Київ. нац. ун-т ім. Т.Г. Шевченка, фак. ін. філол. – 2001. – №5. – С. 15-22.

Городникова М.Д. Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. трудов. – Иваново: Юнона, 1999. – С. 23-27.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85-90.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации. // Гендер как интрига познания / Под ред. А.В. Кирилиной. – М.: Рудомино, 2000. – С. 47-80.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 186 с.

Лагутин В.И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагматической теории драмы). – Кишинев: “ШТИИИИЦА”, 1991. – 95 с.

Левицкий А.Э. Функциональные подходы к классификации современного английского языка. – К.: “АСА”, 1998. – 362 с.

Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции “Мужчина/Женщина”) // Фразеология в контексте культуры / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 180-186.

Мизецкая В.Я. Коммуникативно-речевая организация персонажной системы в драматургическом тексте. – Одесса: Черноморье, 1992. – 150 с.

Мизецкая В.Я. Композиционно-речевая организация драматургического текста (на материале англоязычных пьес XVI-XX в.в.). Автореф. дис. докт. филол. наук: 10.02.04/КГУ им. Т.Шевченка. – К., 1992. – 29 с.

Полюжин М.М. Когнітивна парадигма лінгвістичних досліджень // Проблеми романо-германської філології: Зб. наукових праць. – Ужгород: Видавництво Ужгородського держ. ун-ту. – 1999. – С. 4-22.

Силинский С.В. Речевая вариативность слова. – С.-Пб.: Изд-во СПбУ, 1995. – 127 с.

Cameron D. *Feminism and Linguistic Theory*. – L.: Macmillan, 1992. – 247 p.

Cameron D. *Rethinking Language and Gender Studies: Feminism into the Nineties* // *Language and Gender: Interdisciplinary Perspectives* / Ed. by S. Mills. – L.: Longman, 1995. – P. 31-44.

Coats J. *One-at-a-time. The Organisation of Men’s Talk* // *Language and Masculinity* / Ed. by S. Johnson, U. Meinhof. – Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1997. – P. 107-129.

McConnell-Ginet S. *Language and Gender* // *Language: The Socio-Cultural Context* / Ed. by F.J. Newmeyer. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. – P. 75-100.

Stockoe E.H. *Talking about gender: The conversational construction of gender categories in academic discourse* // *Discourse and Society*. – 1998. – № 9 (2). – P. 217-240.